Михаил Юрьевич Федосюк
(Московский Государственный Университет
им. М. В. Ломоносова)

Джин подрезал «форда», или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевленности / неодушевленности?¹

Эта статья посвящена попытке уточнить содержание важного для русистики понятия «грамматическая категория одушевленности / неодушевленности».

Приведем одно из традиционных определений данного понятия:

Категория одушевленности-неодушевленности имен существительных – несловоизменяемая морфологическая категория, относящая называемый предмет либо к разряду одушевленных (названия живых существ – лиц или животных), либо к разряду неодушевленных (все остальные существительные). <...> Одушевленность выражается совпадением формы вин. п.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-00145 «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

с формой род. п. во мн. ч. (у всех одушевленных существительных) и в ед. ч. (только у слов муж. р. I скл.): *вижу брата, братьев, сестер, животных* <...> У неодушевленных существительных те же формы совпадают с формой им. п.: *вижу стол, столы, книги, деревья* (Шведова & Лопатин, 1989, сс. 155–156).

Очевидно, что это и аналогичные ему определения, базирующиеся на противопоставлении живых существ и неживых предметов, требуют от их авторов последующего более или менее подробного перечисления тех случаев, когда оппозиция грамматически одушевленных и неодушевленных существительных «не совпадает с научным делением всего существующего в природе на живое и неживое» и не укладывается «в рамки „бытового“ понимания живого и неживого» (Тихонов & Хашимов, 2008, с. 819). Наиболее известный из подобных комментариев принадлежит В. В. Виноградову, который писал:

Не приходится смущаться «мифологичностью» терминов «одушевленный» предмет и «неодушевленный» предмет – «категория одушевленности и неодушевленности». Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различие органической, живой и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клен, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка «предметами неодушевленными»).

И, продолжая, в частности, отмечал:

Своеобразные особенности наблюдаются и в употреблении слов, обозначающих то неодушевленные, то переносно-одушевленные предметы. Например, к категории одушевленности примыкают карточные обозначения – *туз* и *козырь*: *снять туза, покрыть козыря* и т. п. (но ср.: *играть в свои козыри, играть в короли*) (Виноградов, 1947/1972, сс. 80–81).

В учебниках и грамматиках, вышедших в свет после книги В. В. Виноградова, список обозначений неживых предметов, которые, тем не менее, относятся к грамматической категории одушевленности, постоянно расширялся. Проиллюстрируем сказанное следующими тремя примерами:

(1) В учебнике *Современный русский язык* 1957 г. сказано:

Как одушевленные существительные употребляются в русском языке также названия умерших людей (*мертвец, мертвый, покойник*) и мифических существ (*бог, чёрт, дьявол, русалка, леший, бес* и т. п.), ряд игровых (шахматных, карточных, бильярдных) обозначений (сюда относятся слова *ферзь,*

валет, туз, козырь, шар: *взять слонем ферзя, выкинуть туза, положить шара в лузу* и т. п.), а также общее и частные наименования кукол (кукла, марионетка, петрушка).

И далее:

Употребляясь в переносном значении как названия неодушевленных предметов, существительные одушевленные чаще сохраняют категорию одушевленности, но в целом ряде случаев приобретают морфологические признаки существительных неодушевленных. Рядом с примерами *пускать змея, сварить болтуна, вылепить коня, купить «Москвича»* и т. п. наблюдаются также и случаи типа *сделать змей, взять «Крокодил»* и др. (Галкина-Федорук, Горшкова, & Шанский, 1957, с. 203)².

- (2) Среди интереснейших наблюдений над тенденциями развития категории одушевленности / неодушевленности, которые содержатся в статье (Ицкович, 1980), особого упоминания, на наш взгляд, заслуживает следующее:

Увидевшие свет в пьесе К. Чапека «R. U. R.» роботы внешне ничем не отличаются от людей. <...> Разошедшиеся после пьесы Чапека по страницам фантастических произведений роботы – думающие и говорящие человекоподобные существа – выступают как существительные одушевленные: «*Роботов... выпускал единственный в стране Завод Высшей Кибернетики*» (М. Михеев, *Станция у Моря дождей*); «*Вспомогательная ракета опустила вниз робота*» (Г. Альтов, *Богатырская симфония*); «*Тогда профессор задумал создать такого робота, который мог бы сам порождать роботов*» (П. Буль, *Идеальный робот*) (Ицкович, 1980, с. 90).

- (3) В новейшем учебнике русского языка читаем:

Наконец, следует сказать, что говорящие по-русски «награждают» одушевленностью предметы, участие которых в их действиях столь значимо, что они как бы поднимаются до статуса особых персонажей: это *куклы, матрешки*, фигуры карточных и шахматных игр – *туз, король, шар* – в языке бильярдистов. В современной речи к таким именам примыкают названия марок автомобилей: *подрезал форда, обогнал опеля* и т. д. (Дускаева, 2014, с. 213)³.

² Автор цитируемого раздела – Н. М. Шанский.

³ Автор цитируемого раздела – Т. В. Шмелева.

Обращение к современным автомобильным Интернет-сайтам полностью подтверждает процитированное наблюдение: названия марок автомобилей (пусть и за пределами литературного языка) в наши дни тяготеют к категории одушевленности. На различных сайтах мы читаем⁴:

Значит джип моргал кому-то другому, скорее всего форду. И скорее всего *форда-то* и *подрезал* регистратор, когда тот его обогнать хотел.

Непонятно. Джип обгонял по встречке и *подрезал Форда* движущегося в крайнем левом ряду? Или подрезал справа?

А если по закону *наказать форда*, Ринату нужно остановиться возле улетевшей машины, помочь, во-первых, первой помощью, во-вторых, поделиться с ним своим видефайлом, копию, например, сделать или отдать флеш-накопитель улетевшему, думаю, челу на красной машинке она очень помогла бы восстановить машинку и наказать виновника.

Посмотрите на Форда!!! Он последний раз машину мыл еще осенью – вот и потерялся по полосам!!!

Около «Браво» в металлурге Опель *протаранил Лансера*, по всей видимости лансер решил резко свернуть во двор из правого ряда и *подрезал опеля*.

Как думаете стоит *продать лансера* и купить опель?

Лансера бери, у опеля болячек много.

Сегодня *приобрел мерса* C200 kompressor W203 2002 года! Диагностика показала неплохое состояние.

Пацаны, хочу *купить москвича*, в нормальном состоянии в Полтавской области, кто знает напишите, пожалуйста!

Где купить *диски на москвича* только 14 диаметр, литые?

Примерно такие же результаты, однако преимущественно с названиями российских марок автомобилей дает и обращение к материалам Национального корпуса русского языка:

Виктор всегда прекрасно зарабатывал, человек он БОЛЬШОЙ, щедрый. До сих пор никто не верит (но я свидетельствую), что его знаменитый элегический дистих: Я за год *пропиваю «Москвича»*, А за два года пропи-

⁴ Здесь и далее в примерах сохранены орфография и пунктуация первоисточников.

ваю «Волгу» – святая правда [Василий Пригодич. *Критика критики, или Постнеклассическая комедия* (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.16];

«Мерс» с наклейками стоял на обычном месте. Водитель сидел один. Коминт приткнул «москвича» подальше [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. *Посмотри в глаза чудовищ* (1996)];

До захода еще можно успеть сбежать и хоть издали посмотреть на «Москвича», но отлучаться нельзя: как же уйти, если Иван Данилович сказал, что надеется на него? [Николай Дубов. *Мальчик у моря* (1966)];

Надо сказать, что жизнь зверя, в частности лося, по сравнению с тринадцатым годом в здешних краях совсем не изменилась. На Калужском или Рязанском шоссе добродушная зверина могла себе позволить шляться, норовя забодать «Запорожца» или другую какую машину <...> [Виктор Астафьев. *Царь-рыба* (1974)];

Собеседник мой засмеялся и погладил своего «Запорожца», как гладят послушного и веселого щенка [Константин Воробьев. *Вот пришел великан* (1971)].

Трудно не признать, что все приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что грамматическая категория одушевленности, которая, по словам В. В. Виноградова, в русском языке «в ее нынешнем виде сложилась не раньше XVI–XVII вв.» (Виноградов, 1947/1972, с. 80), в наши дни не перестает развиваться. И если названия фигур карточных и шахматных игр, скорее всего, стали относиться к этой категории еще в XIX в., то в 1950–1960-е гг. к ним добавились наименования марок советских автомобилей (например, «Москвич» и «Запорожец»), а также слово *робот*, а на рубеже XX и XXI вв. – еще и названия иностранных автомобильных марок.

Однако если категория одушевленности не прекращает своего развития, постепенно охватывая все большее количество наименований неодушевленных предметов, то не означает ли это, что в ее основе лежит не противопоставление живых существ и неживых предметов, а какое-то другое противопоставление?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, проследим историю наблюдений над категорией одушевленности / неодушевленности.

Очевидно, что одно из первых в славистике упоминаний рассматриваемой категории относится к XVII в. Оно содержится в Грамматике Мелетия Смотрицкого, где в разделе о склонении существительных читаем: «**винительны одушевленныхъ вещей на а: бездушныхъ всяко**

именительному подобень» (Смотрицкий, 2007, с. 105)⁵. Как видим, здесь говорится об «одушевленных» и «бездушных» не именах, а вещах, причем нет никаких сомнений, что эти, равно как многие другие, термины первых славянских грамматик являются кальками с греческих или латинских терминов. Как пишет о лингвистических описаниях XVII в. П. С. Кузнецов,

наши грамматисты, как и грамматисты других стран того времени, во многом находятся под влиянием античной грамматической традиции. Это сказывается и в терминологии, и в системе расположения и подачи материала, и в трактовке тех или иных грамматических фактов. Эта античная традиция имеет двойкий источник, восходя в одних случаях к греческой, а в других – к латинской грамматике (Кузнецов, 2011, с. 12).

В написанной в середине XVIII в. Российской грамматике М. В. Ломоносова «одушевленные» вещи, как и у Смотрицкого, противопоставлены «бездушным», однако сами наблюдения имеют более детализированный характер.

Винительный падеж единственный в одушевленных подобен родительному, в бездушных – именительному: *почитать отца; любить брата; убить быка; купить домъ; построить храмъ; обращаться языкъ; поставить болванъ,*

читаем мы у Ломоносова. И далее:

Но ежели имена бездушных вещей приложатся к животным, в винительном кончатся на а: *языка ведутъ, то есть оговорищика; посмотри на болвана, то есть на глупца; нашего мешка обманули* (Ломоносов, 1952, с. 460).

Терминология написанной в конце XVIII в. *Российской грамматики* А. А. Барсова ближе к современной. В ней речь идет уже о вещах «одушевленных» и «неодушевленных». У Барсова мы читаем:

Имена одушевленных вещей во множественномъ числѣ, во всѣхъ склоненіяхъ имѣютъ винительный падежъ безъ всякой отъ мѣны сходствующій с родительнымъ на пр. *воеводѣ, женѣ, княгинѣ, отцовѣ, оленей, злодѣевѣ, поросятъ, матерей* <...> Въ единственномъ же числѣ таковое равенство падежа винительнаго съ родительнымъ въ оныхъ именахъ находится только во второмъ склоненіи на пр. *человѣка, звѣря, злодѣя* <...> Имена же вещей *неодушевленныхъ* втораго, третьяго и четвертаго склоненія, в обоихъ числахъ, имѣютъ винительный падежъ равенъ именительному на пр. *столъ, якорь,*

⁵ Здесь и далее во всех цитатах сохранена орфография тех изданий, из которых они почерпнуты.

рой, сердце, кольцо, учение; время, добродѣтель, столы, якори, рои, сердца, кольца, ученія, времена, добродѣтели (Барсов, 1981, сс. 103–104).

В созданной в начале XIX в. *Краткой русской грамматике* Н. И. Греча представляют интерес наблюдения о том, что в то время к категории одушевленности относились и некоторые имена неживых предметов. Греч пишет:

Имена существительныя мужескаго рода, кончащіяся на *атель* и *итель*, и означающія дѣятелей неодушевленныхъ, напимѣрь: *знаменатель*, *дѣлитель* (въ ариѳметикѣ), и т. п., склоняются какъ названія одушевленныхъ; напимѣрь: «помножить знаменателя на числителя». Равнымъ образомъ принимаютъ винительный падежъ, сходный съ родительнымъ, имена и другихъ неодушевленныхъ предметовъ, заимствованныя отъ одушевленныхъ; напимѣрь: «Я видѣлъ въ телескопѣ *спутниковъ* Сатурна». Слово *идолъ* употребляется, какъ наименованіе предмета одушевленнаго (напимѣрь: «изваять *идола*»), а *кумиръ* и *истуканъ* какъ неодушевленныхъ; напимѣрь: «воздвигнуть *кумиръ*; смотрю на *истуканъ*») (Греч, 2011, с. 13).

Примечательны у Греча и определения одушевленных и неодушевленных предметов. Он пишет:

Предметы могутъ быть слѣдующіе:

1. *Одушевленные*, которые одарены жизнію и способностью перемѣнять свое мѣсто; напимеръ: *человѣкъ, звѣрь, рыба, муха*. Люди именуются предметами *личными*; напимѣрь: *мужъ, жена, воинъ* и т. п., суть предметы личные.
2. *Неодушевленные*, не имѣющіе жизни и способности перемѣнять свое мѣсто; напимѣрь: *дерево, домъ, книга, камень*.
3. Умственные, которыхъ мы не можемъ видѣть, воображая оныя только въ умѣ своемъ; напимеръ: *душа, сладость, желаніе, горечь, жизнь* (Греч, 2011, с. 7).

Представляется, что приведенное выше определение одушевленных предметов как таких, которые обладают способностью перемещаться, в большей степени соответствует значению русского слова *одушевленный* (т. е. буквально 'имеющий душу'), чем встречающееся в работах В. В. Виноградова и других русистов XX в. отождествление этого слова со словом *живой*, вынуждающее относить к числу одушевленных предметов еще и растения.

В написанной в середине XIX в. *Исторической грамматике русского языка* Ф. И. Буслаева речь идет уже о противопоставлении одушевлен-

ных и неодушевленных не «вещей», а «имен». Это противопоставление стоит у Буслаева в одном ряду с выделением таких классов имен, как собственные и нарицательные; простые, собирательные и сплошные, но опирается автор прежде всего не на грамматические, а на логические признаки. Так, собственные и нарицательные имена выделяются Буслаевым «по объему выражаемого ими понятия», а простые, собирательные и сплошные имена – «по отношению частей к целому». При этом в число собирательных имен Буслаев включает не только такие слова, как *братья* и *камень*, но и такие, как *лес* или *ельник*.

Собирательными, – читаем мы у Буслаева, – означает совокупность единиц одного рода; напр., *лес*, т. е. совокупность *деревьев*, *ельник* – совокупность *елей*; каждая из единиц, входящих в состав понятия собирательного, называется именем простым <...> (Буслаев, 2006, с. 157).

Вместе с тем Буслаев описывает и грамматические различия одушевленных и неодушевленных имен.

В синтаксическом отношении, – пишет он, – отличие имен предметов одушевленных от имен предметов неодушевленных и отвлеченных преимущественно оказывается на винительном падеже обоих чисел: форм муж. рода, оканчивающихся на *ъ*, *ь* и *й*; и форм жен. рода только во мн. числе. Между этими формами, имена предметов одушевленных в винительном сходятся с родительным, а неодушевленных и отвлеченных – с именительным; напр., «любить *брата*, *братьев*», «любить *сестер*, *дочерей*»; – «строить *дом*, *дома*»; «переделать *двери*, *печи*» (Буслаев, 2006, с. 159).

И далее:

Так как говорящий может олицетворять предметы неодушевленные <...> а одушевленные представлять неодушевленными или возводить в отвлеченные, то многие имена неодушевленных предметов в винительном сходятся с родительным, а предметов одушевленных – с именительным (Буслаев, 2006, с. 160).

Среди примеров, иллюстрирующих употребление одушевленных имен для обозначения неодушевленных предметов, Буслаев приводит, с одной стороны, такие, которые соответствуют и современным нормам: *изваять Аполлона* (статую), *читать Антиквария*, *Астролога*, *Юрия Милославского* (названия романов), а с другой – современным нормам не соответствующие: *смотреть в телескоп на Юпитера*. Здесь же повторяется и наблюдение Греча об употреблении как одушевлен-

ных имен с суффиксом *-тель* (умножить числителя на знаменателя) (Буслаев, 2006, с. 161).

В написанном в начале XX в. *Синтаксисе русского языка* А. А. Шахматова категория одушевленности / неодушевленности уже однозначно квалифицирована не как смысловая или логическая, а как грамматическая. Шахматов ставит ее в один ряд с такими категориями, как

число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность <...> род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность,

о которых он пишет:

Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтаксически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации (Шахматов, 2001, с. 436).

О категории одушевленности у Шахматова сказано следующее:

Категория одушевленности обнаруживается, во-первых, в единств. числе слов муж. рода, во-вторых, во множ. числе, где, как увидим, современный язык не знает родовых отличий. В единств. числе слов муж. рода с основой на согласную категория одушевленности обнаруживается: а) в том, что слова, означающие одушевленные субстанции, имеют винит. падеж, тождественный с формой родит. падежа, между тем как слова, означающие неодушевленные субстанции, имеют винит. падеж, тождественный с формой именит. падежа; при этом к одушевленным относятся не только лица, но и животные, птицы, рыбы, насекомые: *он позвал брата, он раздавил паука, мы запрягли мерина*; б) в том, что родит. падеж оканчивается только на *-а*, между тем как в словах, означающих предметы неодушевленные, а также явления и отвлеченные понятия, окончанием может быть также *-у*; ср. замену древнего *волу, сыну* через *вола, сына*; в) в том, что местн. падеж оканчивается только на *-е*, между тем как в остальных словах возможно при известных условиях *-у* (после предлогов *в, на* при подвижном ударении, причем окончание *-у* имеет на себе ударение); ср. замену древнего *волу, сыну* через *воле, сыне*. Во множ. числе категория одушевленности обнаруживается в том, что винит. падеж имеет окончание, тождественное с родит. множественного, между тем как винит. множ. неодушевленных имеет окончание именит. множественного: *мы загнали утят, продала ли ты свиней, мальчик ловил мух, мы любим детей, мы проводили сестёр, они нашли себе проводников*. На основании этого слово средн. рода *лицо* в винит. множ. имеет форму *лиц* (Шахматов, 2001, с. 445).

Заметим, что, поскольку специфика окончаний неодушевленных существительных в родительном и местном (т. е. предложном) падеже (пункты б и в у Шахматова) характерна лишь для некоторых существительных, в лингвистических описаниях более позднего времени она перестала приниматься во внимание.

Подведем итог нашему краткому обзору. Как видим, с XVII по XX вв. в ходе развития лингвистических исследований описание одушевленных и неодушевленных существительных приобретало все более строгий формально-грамматический характер. На смену противопоставлению «одушевленных и бездушных предметов» пришло противопоставление существительных, различающихся в винительном падеже своими окончаниями. Но вместе с тем первоначально избранный языковедами термин *одушевленность* заставлял и заставляет многих лингвистов, давая определение категории одушевленности, вначале утверждать, что она относит называемый предмет к категории живых существ, а затем делать оговорку о существовании целого ряда одушевленных существительных, которые обозначают неживые предметы.

Такой способ определения категории одушевленности кажется нам неоправданным по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, представляется очевидным, что возникновение в русском и других славянских языках грамматической категории одушевленности было связано не с потребностью в грамматическом маркировании живых и неживых предметов, а с присущим этим языкам свободным порядком слов. Дело в том, что в условиях свободного порядка слов при восприятии многих предложений оказывалось трудно различать субъект и объект действия. Такая проблема независимо от порядка следования компонентов не возникала в предложениях типа *Отъць любить домъ* – *Домъ любить отъць*, поскольку при любом порядке слов *дом* субъектом действия быть не может. Однако она характерна для предложений типа *Отъць любить сынъ* – *Сынъ любить отъць*, поскольку и отец, и сын обладают потенциальной активностью и, стало быть, каждое из этих слов может восприниматься как обозначение и субъекта, и объекта действия.

Во-вторых, как показывает история русского языка, процесс формирования рассматриваемой категории был направлен совсем не на противопоставление живых и неживых предметов. Известно, что в ходе развития категории одушевленности к ней вначале стали относиться не все существительные, именовавшие людей и животных, а лишь обо-

значения свободных взрослых мужчин, позднее – наименования любых взрослых мужчин, затем также и обозначения женщин и лишь после этого еще и названия детей и животных (Степанов, 1975, сс. 125–127). Но эта последовательность подтверждает, что грамматическая категория, которая по давней традиции именуется категорией одушевленности, на самом деле предназначена для маркирования не живых объектов, а предметов, потенциально способных проявлять активность.

На начальном этапе формирования рассматриваемой категории наименования живых и потенциально активных объектов не совпадали: Как отмечает П. С. Кузнецов, «процесс замещения старой формы вин. п. формой род. п. начинается еще с дописьменной эпохи», однако в то время «форма родительного-винительного падежа использовалась не у всех существительных, обозначающих одушевленные существа, а лишь у собственных имен людей и у названий лиц (т. е. людей), и притом общественно полноправных» (Кузнецов, 1953, с. 118). Начиная с XIII в. как грамматически одушевленные постепенно начинают употребляться наименования зависимых мужчин (*воротити челадина, моучити смерда*), с XVI в. – наименования женщин (*рабынь научити, поучити женъ своихъ*), в XVII в. становится распространенным употребление как одушевленных названий животных (*далъ изубря, жеребенка съдятъ*) (Кузнецов, 1953, сс. 118–121). Однако постепенно стало выясняться, что потенциальной активностью обладают и некоторые неживые предметы: карточные, шахматные и бильярдные фигуры, денотаты таких слов, как *покойник, мертвец, куклы*, а позднее еще и различные марки автомобилей. К сожалению, хронология охвата категорией одушевленности наименований неживых предметов пока еще не изучена, однако совершенно очевидно, что предложения *Джокер бьет туза; Гроссмейстер пожертвовал ферзь* или *Джип подрезал «форд»* так же неудобны для понимания, как и существовавшее до появления категории одушевленности предложение *Отць любить сынъ*. Поэтому в разное время стали говорить и писать *Джокер бьет туза; Гроссмейстер пожертвовал ферзя* или *Джип подрезал «форда»*.

Утверждение о том, что грамматическая категория, именуемая категорией одушевленности / неодушевленности, направлена на формальное противопоставление не живых и неживых, а потенциально активных и потенциально пассивных предметов, едва ли может быть опровергнуто и результатами применения методов экспериментальной лингвистики.

Задумаемся: о чем свидетельствует квалификация участниками лингвистического эксперимента какого-либо существительного как одушевленного? Слово *одушевленный* означает 'Относящийся к миру живых существ; живой' (Евгеньева, 1982, с. 598). В свою очередь, содержание понятия «жизнь» характеризуется энциклопедиями так:

Живые объекты отличаются от неживых обменом веществ (непременным условием Ж<изни>), раздражимостью, способностью к размножению, росту, активной регуляции своего состава и функций, к различным формам движения, приспособляемостью к среде и т. д. (*Философский энциклопедический словарь*, 1983, с. 186).

Очевидно, что, квалифицируя любое существительное как одушевленное и образуя от него соответствующую форму винительного падежа, участники эксперимента руководствуются не наличием у денотата этого существительного обмена веществ, способности к размножению, росту и т. д., а в основном своими представлениями о его способности к передвижению, точнее – к потенциальной активности.

Вот пример одного из интереснейших лингвистических экспериментов, выполненных М. В. Русаковой (Русакова, 2013, сс. 184–196). Испытуемым было предложено составить рассказ по картинкам, на которых были изображены зонтик и стул и подписаны глаголы *увидел*, *позвал*, *узнал*, *поприветствовал*, которые следовало использовать в этом рассказе. Вполне естественно, что большинство испытуемых стали рассказывать, о том, что стул *увидел зонтика*, а зонтик, в свою очередь, *узнал стула*. Понятно, что проявить активность в этих фантастических ситуациях мог каждый из двух упомянутых предметов, однако понять, кто именно производит действие, из предложений *Стул увидел зонтик* или *Зонтик узнал стул* было бы затруднительно. Примечательно и то, что в одной из недавних диссертаций, посвященных грамматической категории одушевленности, при термине *одушевленное* очень часто в скобках стоит пояснение *активное*, а при термине *неодушевленное* – *пассивное* (Ильченко, 2012).

Подводя итоги всему сказанному, отметим следующее. Мы не предлагаем отказаться ни от употребления ставшего уже привычным лингвистического термина *одушевленность*, ни от общепринятого описания морфологических показателей одушевленности. Вместе с тем представляется целесообразным в определениях категории одушев-

ленности / неодушевленности пояснять, что данная категория предназначена для обозначения потенциально активных предметов в тех предложениях, где они, несмотря на свою активность, выступают не как субъекты, а как объекты каких-либо действий. По этой причине к категории одушевленности прежде всего принадлежат существительные, обозначающие живых существ, однако в отдельных случаях к ней могут быть отнесены и наименования тех неживых предметов (например, фигур карточных и шахматных игр, кукол и сказочных персонажей, марок автомобилей), которые способны мыслиться как активные деятели. В настоящее время эволюция этой категории не остановилась – она продолжает свое медленное развитие, время от времени включая в свой состав новые слова.

Библиография

- Барсов, А. А. (1981). *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*. Москва: Изд-во Московского университета.
- Буслаев, Ф. И. (2006). *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис*. Москва: Комкнига.
- Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа.
- Галкина-Федорук, Е. М., Горшкова, К. В., & Шанский, Н. М. (1957). *Современный русский язык*. Москва: Учпедгиз.
- Греч, Н. И. (2011). *Краткая русская грамматика*. Москва: Либроком.
- Дускаева, Л. Р. (Ed.). (2014). *Современный русский язык*. Санкт-Петербург: Питер.
- Евгеньева, А. П. (Ed.). (1982). *Словарь русского языка* (Vol. 2). Москва: Русский язык.
- Ильченко, О. С. (2012). *Феномен одушевленности в антропоцентрических координатах* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук). Санкт-Петербург.
- Ицкович, В. А. (1980). Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция). *Вопросы языкознания*, (4), 84–96.
- Кузнецов, П. С. (1953). *Историческая грамматика русского языка: Морфология*. Москва: Изд-во Московского университета.
- Кузнецов, П. С. (2011). *У истоков русской грамматической мысли*. Москва: Либроком.
- Ломоносов, М. В. (1952). *Полное собрание сочинений* (Vol. 7). Москва: Изд-во АН СССР.

- Русакова, М. В. (2013). *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. Москва: Языки славянской культуры.
- Смотрицкий, М. (2007). *Грамматика 1648 г.* Москва: МАКС Пресс.
- Степанов, Ю. С. (1975). *Основы общего языкознания*. Москва: Просвещение.
- Тихонов, А. Н., & Хашимов, Р. И. (Eds.). (2008). *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: Русский язык* (Vol. 1). Москва: Флинта; Наука.
- Философский энциклопедический словарь*. (1983). Москва: Советская энциклопедия.
- Шахматов, А. А. (2001). *Синтаксис русского языка*. Москва: УРСС.
- Шведова, Н. Ю., & Лопатин, В. В. (Eds.). (1989). *Краткая русская грамматика*. Москва: Русский язык.

Bibliography (transliteration)

- Barsov, A. A. (1981). *Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Buslaev, F. I. (2006). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Sintaksis*. Moskva: Komkniga.
- Duskaeva, L. R. (Ed.). (2014). *Sovremennyi russkii iazyk*. Sankt-Peterburg: Piter.
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1982). *Slovar' russkogo iazyka* (Vol. 2). Moskva: Russkii iazyk.
- Filosofskii ènsiklopedicheskii slovar'*. (1983). Moskva: Sovetskaia ènsiklopediia.
- Galkina-Fedoruk, E. M., Gorshkova, K. V., & Shanskiĭ, N. M. (1957). *Sovremennyi russkii iazyk*. Moskva: Uchpedgiz.
- Grech, N. I. (2011). *Kratkaia russkaia grammatika*. Moskva: Librokom.
- Il'chenko, O. S. (2012). *Fenomen odushevlenosti v antropotsentricheskikh koordinatakh* (Abstract of post-doctoral thesis in philology). Sankt-Peterburg.
- Itskovich, V. A. (1980). Sushchestvitel'nye odushevlennye i neodushevlennye v sovremennom russkom iazyke (norma i tendentsiia). *Voprosy iazykoznanii*, (4), 84–96.
- Kuznetsov, P. S. (1953). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Morfologiia*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Kuznetsov, P. S. (2011). *U istokov russkoĭ grammaticheskoi mysli*. Moskva: Librokom.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 7). Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Rusakova, M. V. (2013). *Èlementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo iazyka*. Moskva: Iazyki slavianskoĭ kul'tury.
- Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo iazyka*. Moskva: URSS.
- Shvedova, N. I., & Lopatin, V. V. (Eds.). (1989). *Kratkaia russkaia grammatika*. Moskva: Russkii iazyk.

Smotritskiĭ, M. (2007). *Grammatika 1648 g.* Moskva: MAK S Press.

Stepanov, I. S. (1975). *Osnovy obshchego iazykoznaniiia.* Moskva: Prosveshchenie.

Tikhonov, A. N., & Khashimov, R. I. (Eds.). (2008). *Ėntsiklopedicheskiĭ slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i poniatii: Russkiĭ iazyk* (Vol. 1). Moskva: Flinta; Nauka.

Vinogradov, V. V. (1972). *Russkiĭ iazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove.* Moskva: Vysshaia shkola.

Jeep cut in “ford”, or Does the grammatical category of animateness / inanimateness exist in Russian?

Summary

The purpose of the article is to clarify the concept of grammatical category of animateness / inanimateness in Russian. After analyzing the history of the study of this category and the history of its development, the author concludes that the grammatical category of animateness, despite its name, is intended to mark not living objects, but objects with a potential of activity. The main function of this category is to distinguish nominative and accusative cases in such sentences as modern informal Russian *Dzhip podrezal “forda”* (Jeep cut in “Ford”), where without such a distinguishing feature it could be unclear which of these two nouns is the subject and which is the object.

Jeep zajechał drogę „fordowi”, albo Czy w języku rosyjskim istnieje gramatyczna kategoria żywotności / nieżywotności?

Streszczenie

Celem artykułu jest rozjaśnienie natury gramatycznej kategorii żywotności / nieżywotności w języku rosyjskim. Po przeanalizowaniu historii badań nad tą kategorią oraz historii jej rozwoju autor dochodzi do wniosku, że wbrew swojej nazwie gramatyczna kategoria żywotności charakteryzuje określenia nie żywych istot, a obiektów potencjalnie aktywnych. Podstawową funkcją tej kategorii jest odróżnienie form mianownika i biernika w takich zdaniach, jak *Джип подрезал „форда”* (Jeep zajechał drogę „fordowi”) we współczesnym potocznym języku rosyjskim, gdzie w przeciwnym wypadku nie byłoby jasne, który z tych dwóch rzeczowników jest podmiotem, a który orzeczeniem.

Keywords: Russian language; grammatical category; animateness; inanimateness; subject; object; activity

Słowa kluczowe: język rosyjski; kategoria gramatyczna; żywotność; nieżywotność; podmiot; orzeczenie; czynność

Mikhail Fedosiuk, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Correspondence: m.fedosyuk@yandex.ru

The work was funded by a grant from the Russian Foundation for Humanities.

Competing interests: The author has declared he has no competing interests.